

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

СЛОВО ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

*К 95-летию со дня рождения
профессора М.Г. Булахова*

Материалы Международной научной конференции

г. Минск, 12–13 ноября 2014 г.

Минск 2014

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания БГПУ *А.А. Гируцкий* (отв. ред.);
доктор филологических наук, профессор, декан факультета белорусской и русской филологии БГПУ *В.Д. Стариченок*;
кандидаты филологических наук, доценты кафедры общего и русского языкознания БГПУ *Г.А. Камлевич, Т.В. Ратько, Н.В. Тарасова, В.В. Трутко, А.В. Чуханова*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка БГУ *И.С. Ровдо*;
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой белорусского и русского языкознания БГПУ *Т.Г. Трофимович*

С483

Слово во времени и пространстве. К 95-летию со дня рождения профессора М.Г. Булахова : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 12–13 нояб. 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: А.А. Гируцкий (отв. ред.), В.Д. Стариченок, Г.А. Камлевич и др. – Минск : БГПУ, 2014. – 376 с.
ISBN 978-985-541-194-0.

Издание содержит материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения профессора М.Г. Булахова. Представлены работы, касающиеся теоретических аспектов соотношения слова и действительности, слова в его историческом развитии, функционирования слова в системе и структуре языка, а также в пространстве дискурса. Рассматриваются вопросы межязыковых и межкультурных контактов и развития лексики.

Адресуется преподавателям филологических дисциплин, научным работникам, аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 81'1
ББК 81.2

© БГПУ, 2014

ISBN 978-985-541-194-0

НАВУКОВЫ СКАРБ ЗНАКАМІТАГА ВУЧОНАГА

Міхаіл Гапеевіч Булахаў належыць да плеяды выдатных мовазнаўцаў славянскіх краін свету, якія ўнеслі вялікі ўклад у лінгвістычную навуку. Ён нарадзіўся 22 ліпеня 1919 г. у вёсцы Маслакі Горацкага раёна Магілёўскай вобласці ў сялянскай сям'і. Пасля заканчэння школы Міхаіл Булахаў прайшоў навучанне на шасцімесячны падрыхтоўчы курс і паступіў на літаратурны факультэт Магілёўскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута. Па яго заканчэнні ў 1940 г. быў прызваны на службу ў армію з баямі прайшоў усю вайну, якую закончыў у Празе.

У сакавіку 1946 г. ён быў залічаны ў аспірантуру Мінскага педагагічнага інстытута. З 1948 г. яшчэ будучы аспірантам, працаваў асістэнтам, старшым выкладчыкам у 1949 г. пасля яго заканчэння, стаў загадчыкам кафедры рускай мовы. У 1950 М.Г. Булахаў паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацию. З 1951 г. ён працаваў у Інстытуце мовазнаўства АН БССР, спачатку на пасадзе старшага навуковага супрацоўніка, а з верасня 1952 г. – загадчыкам сектара сучаснай беларускай моўнай культуры мовы. З гэтага часу група з пяці спецыялістаў-моваведаў на чале з М.Г. Булахамым прыступае да працы над падрыхтоўкай акадэмічнай поўнай нарматыўна-апісальнай граматыкі сучаснай беларускай літаратурнай мовы, а таксама напісаннем цыкла навучальных дапаможнікаў для ВНУ Беларусі. Трэба адзначыць, што за кароткі час гэтыя працы былі не толькі падрыхтаваны, але і апублікаваны.

З мая 1965 г. М.Г. Булахаў працуе ў БДУ. У 1966 г. ён абараняе доктарскую дысертацию, а ў наступным, 1967 г., М.Г. Булахава было прысвоена званне прафесара. З красавіка 1975 г. ён пераходзіць на выкладчыцкую работу ў Мінскі педінстытут, пачаў працаваць на пасадзе загадчыка кафедры агульнага і рускага мовазнаўства, а з 1990 г. прафесар гэтай кафедры.

М.Г. Булахаў – аўтар шматлікіх прац па беларускай, рускай і іншых славянскіх мовах, а таксама па лінгвістычнай тэорыі, у тым ліку 20 асобных выданняў. Яшчэ ў пачатку XX ст. М.Г. Булахаў зацікавіўся праблемай гістарычных сувязей славянскіх моў і ўзаемаадносін паміж імі ў новы час, вынікам чаго з'явілася яго кніжка "Развіццё беларускай літаратурнай мовы ў XIX–XX стст. ва ўзаемадзеянні з іншымі славянскімі мовамі" (1958). Пытаннем узаемасувязей беларускай мовы з іншымі славянскімі і неславянскімі мовамі, праблемам кампаратывістыкі Міхаіл Гапееў прысвяціў пэўную частку сваіх навуковых публікацый, у ліку якіх – "Асноўныя пытанні супастаўляльнай стылістыкі рускай і беларускай моў" (1979).

Сур'ёзным укладам у развіццё беларускага мовазнаўства стала даследаванне М.Г. Булахава ў трох кнігах пра прыметнікі. У першай кнізе – "Прыметнікі ў беларускай мове" (1964) – на вельмі багатым фактычным матэрыяле (10 тысяч адзінак), пачаў з пісьмовых помнікаў старабеларускай мовы, з твораў беларускай вуснай

Таким образом, вторичные номинации выполняют важную роль в формировании языковой картины мира. Необходимо помнить, что ЯКМ представляет собой не статическую, а динамическую структуру, и при ее реконструкции необходимо учитывать материалы различного синхронных срезов (в том числе и современного). Нельзя забывать и о том, что семантические трансформации слова – сложный процесс, в котором задействованы факторы самых разных уровней. Сходность концептуальных метафор, их семантическая стереотипность осложняется факторами различия, обусловленными конкретными историческими, национальными и психологическими условиями жизни народа. Вторичный мир метафор возникает в результате интерпретации познающим индивидом фактов в их отвлечении от предметной реальности, в результате соизмерения образных восприятий каких-либо черт реальности со стереотипами, функционирующими в данной культуре. Интуитивные уподобления, неожиданные сравнения известного и неизвестного часто напоминают голографический объект, в котором не всегда четко просматриваются зеркальные отражения, поверхностные связи предметов и явлений окружающего мира.

Литература

1. Старычонак, В.Д. *Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў* / В.Д. Старычонак. – Мінск: БДПУ, 2007. – 190 с.

Флиасак О.Ю., Минск

ИМПЛИЦИТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛОГИКИ И ЛИНГВИСТИКИ

В отечественной и зарубежной литературе в настоящее время не существует единого мнения о проблеме имплицитной информации. Все это объясняется тем, что категория имплицитности является предметом исследования сразу нескольких дисциплин: логики, философии и лингвистики. Цель данной статьи: рассмотреть основные подходы к пониманию феномена имплицитности, предложенные представителями двух фундаментальных направлений научной мысли.

Как известно, язык способен проявлять свою функцию не только в эксплицитно выраженной информации, но и посредством импликации. При этом имплицитное содержание не имеет самостоятельных средств выражения, а извлекается из эксплицитного смысла. Так, К.А. Долинин называет имплицитным то содержание высказывания, «которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии» [2, с. 47]. Взаимосвязь и единство этих категорий в философском смысле была отмечена В.Х. Багдасаряном: «Имплицитное выражается и постигается адресатом на основе эксплицитного и в этом смысле зависит от него. Но, с другой стороны, если бы не существовало имплицитное, было бы бессмысленным ставить вопрос о существовании эксплицитного» [1, с. 7].

Отдельные фрагменты, затрагивающие понятие имплицитного в речи, можно отыскать уже в трудах Л.В. Щербы, Ш. Балли, М.М. Бахтина, А.А. Потебни. Так, Л.В. Щерба отмечал, что кроме правил синтаксиса существуют правила сложения смыслов, которые дают «не сумму смыслов, а новые смыслы, правила, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно отлично известные всем хорошим стилистам» [6, с. 24].

Однако начало изучения имплицитного в речи связывают с появлением статьи С.О. Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» (1929).

В конце XIX – начале XX в. объектом исследования логиков становится значение предложения. Результатом этой работы было выделение presupпозиции высказывания. Сам термин «presupпозиция» обозначает предпосылку, предположение высказывания, то есть то, что неявным образом в высказывании скрыто. Лингвисты отмечают, что одним из первых, кто обратил внимание на presupпозиционный аспект в логическом анализе смысла и значения предложения, был Г. Фреге. Он отмечал, что кроме смысла и денотата существует еще нечто: «Смысл и денотат знака следует отличать от соответствующего этому знаку представления. Если денотат знака – это вещь, данная нам в ощущениях, то мое представление об этой вещи есть внутренний образ, возникший у меня на основе моих впечатлений от этой вещи, а также в результате моей деятельности, физической и мыслительной, связанной с этой вещью» [5, с. 185]. Г. Фреге указал на необходимость различать то, что утверждается в высказывании, и то, что предполагается. Однако понимание Г. Фреге presupпозиций является узким и ограничивается presupпозициями о существовании предмета референции.

Позднее в теории дескрипций Б. Рассела предложения с пустыми дескрипциями и, следовательно, с ложными presupпозициями рассматривались как ложные [3]. Подобная трактовка вызвала возражение со стороны П. Стросона, который настаивал на том, что анализ таких предложений в качестве ложных высказываний ведет к нарушению логических законов [4]. П. Стросон считал, что если presupпозиция высказывания ложна, то высказывание не имеет истинностного значения, то есть не является ни истинным, ни ложным.

П. Стросон определяет presupпозицию следующим образом: предложение P предполагает предложение S (то есть предложение S является presupпозицией предложения P), если истинность S является необходимым условием для того, чтобы P имело истинностное значение [4].

А. Бейкер обращается к теории сложных предложений. Он показал, что различие между сочинением и подчинением может быть сформулировано через понятие presupпозиции: в то время как каждая часть сложносочиненного предложения содержит некоторое утверждение, в сложноподчиненном предложении лишь одна часть утверждает нечто, а другая – представляет presupпозицию этого утверждения. В основу

бейкеровской классификации сложного предложения положен способ распределения содержания этих предложений между утверждаемым и пресуппозициями.

Представители «философии обыденного языка» (Дж. Остин, Дж. Уисдом, Г. Райл) под термином «пресуппозиция» понимали некоторое ситуативное условие, необходимое для успешной коммуникации. Так, предложение «Закрой окно!» может быть употреблено только в ситуации, в которой это окно имеется.

Ключевое значение для осмысления имплицитности сыграл принцип кооперации Г.П. Грайса. В основе этого принципа лежит мысль о том, что участники речевой коммуникации имеют общую цель: достижение взаимопонимания. Речь говорящего представляет собой не просто последовательность структур, а является выборкой того, что соответствует его первоначальному замыслу и будет наиболее понятно слушателю.

В рамках своего принципа Г.П. Грайс выделяет четыре группы коммуникативных постулатов: постулаты информативности, постулаты истинности, постулат релеванности, постулаты ясности выражения. Данные постулаты позволяют выводить из прямого смысла высказывания коммуникативные имплицатуры, представляющие собой компоненты, которые прямо не выражены в предложении, но вычлняются в нем слушающим в контексте речевого акта.

Таким образом, в логике категория имплицитности связана с понятием «пресуппозиции», которое рассматривается как:

- 1) условие наличия истинностного значения предложения;
- 2) вид логических отношений между предложениями;
- 3) ситуативное условие, необходимое для успешной коммуникации.

В лингвистике же под имплицитным содержанием понимают дополнительные элементы смысла, не выраженные в речевом акте языковыми средствами, но выводимые из эксплицитно представленных элементов.

Литература

1. Багдасарян, В.Х. Проблема имплицитного / В.Х. Багдасарян. – Ереван: Изд-во Академии наук Армянской ССР, 1983. – 138 с.
2. Долинин, К.А. Имплицитное содержание высказывания / К.А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – №6. – С. 37–47.
3. Рассел, Б. Описание / Б. Рассел // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – Вып. 13. – С. 41–54.
4. Стросон, П. Идентифицирующая референция и истинностное значение / П. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – Вып. 13. – С. 109–133.
5. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – М., 1977. – Вып. 8. – С. 181–211.
6. Щерба, Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Текст] / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – С. 24–39.

РОЛЯ СЕМАНТИЧНЫХ КАМПАНЕНТАЎ У ФУНКЦЫЯНАВАННІ СТРУКТУРНА-СІНТАКСІЧНЫХ МАДЫФІКАЦЫЙ

Распрацоўкі ў галіне семантычнага сінтаксісу – тэорыя глыбінных і паверхневых структур, семантычны інварыянт сказа, вучэнне пра семантычныя кампаненты сказа (В.Х. Багдасарян, І.А. Бажок, Т.А. Коласова, Л.В. Лісочанка, В.У. Мартынаў, З. Выхадзілава, А. Унішэўска і інш.) – дазваляюць выкарыстоўваць іх у якасці базавых пры аналізе сінтаксічнай з’явы. Асаблівы інтарэс уяўляе вучэнне пра семантычную структуру сказа (І.А. Бажок, М.У. Усеваладава і інш.). Пры даследаванні канструкцый з эліпсісам дзеяслова мэтазгодна, на наш погляд, шырока выкарыстоўваць прыёмы фармалізацыі сінтаксічнага аб’екта – пабудову сінтаксічных мадэлей, напрыклад: агенс – прэдыкат – лакатыў. Думаецца, пры выяўленні семантычнай тыпалогіі найбольш прэдатнымі выступаюць тэрміны для абазначэння тыпаў прэдыкатаў і семантычных кампанентаў, напрыклад, акцыянальна-безаб’ектны тып. Аднак ужываліся названыя тэрміны і паняцці з мэтай указання на кампенсаторны кампанент і выяўлення заканамернасцей функцыянавання сінтаксічных адзінак. Відавочна, што істотнае адрозненне прапанаванага намі падыходу да вывучэння з’явы эліпсіса ад папярэдніх даследаванняў заключаецца ў тым, што асноўныя катэгорыі, паняцці і тэрміны структурнага і семантычнага сінтаксісу выступаюць у даследаванні не самамэтай, а выключна інструментам пазнання сутнасці сінтаксічнай з’явы. Такім чынам, прапанавана намі тэорыя кампенсаторнай прыкметы грунтуецца на класічных паняццях і катэгорыях структурнага і семантычнага сінтаксісу, аднак мы разглядаем яе як новае паняцце па той прычыне, што яно здольна выявіць механізмы функцыянавання канструкцый з эліпсісам дзеяслова.

Эліптычныя канструкцыі, нягледзячы на адсутнасць дзеяслова, успрымаюцца адэкватна па той прычыне, што ў кантэксце ёсць кампенсаторны кампанент. Напрыклад, сказы тыпу *Дзеці ў школу мы кваліфікуем як канструкцыі з семантыкай руху* дзякуючы наяўнасці паказчыка семантыкі – кампанента з лакатыўным значэннем у *школу*, які можа спалучацца выключна з прэдыкатамі руху. Паколькі рэалізацыя семантыкі ў такіх канструкцыях ажыццяўляецца з дапамогай лакатыва, які указвае на дынамічную лакалізацыю суб’екта, то лічым мэтазгодным падобны тып эліптычных канструкцый кваліфікаваць як дынамічна-лакатыўны. Такі падыход да аналізу ўяўляецца нам апраўданым і аб’ектыўным, бо вылучае не толькі сутнасць сінтаксічнага аб’екта, а і заканамернасці яго функцыянавання.

У выпадках, калі для кампенсацыі эліпсаванага дзеяслова недастаткова кампанента семантычнай структуры, яго ролю выконваюць структурныя кампаненты або сінтаксічныя адзінкі: прэдыкатыўныя часткі ў структуры поліпрэдыкатыўнай адзінкі, канструкцыі ў структуры звышфразовага адзінства, аднародныя або адасобленыя члены сказа і інш. Названыя кампаненты выконваюць функцыю, аналагічную семантыч-